

П. Я. Чаадаев

**Полное собрание сочинений и
избранные письма. Том 1**

Памятники философской мысли

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Я. Чаадаев**
Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1: Памятники философ-
ской мысли / П. Я. Чаадаев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 802 с.

ISBN 978-5-458-41030-4

ISBN 978-5-458-41030-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЧАДАЕВЪ

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее издание является наиболее полным собранием работ, написанных Чаадаевым. Мы даже дерзнули назвать его Полным собранием сочинений. Это так, насколько можно употребить понятие «полное» применительно к наследию Чаадаева, который на протяжении большей части своей творческой зрелости не имел права печататься, и многие автографы его сочинений и писем к разным лицам еще не разысканы. Однако можно с уверенностью сказать, что настоящее издание если и может быть расширено, то незначительно.

Коллектив, работавший над подготовкой издания, стремился дать тексты максимально аутентичные тем документам, которые, ввиду отсутствия автографов, можно считать первоисточниками.

Помимо полноты и аутентичности хотелось бы сказать еще о двух особенностях нашего издания. Впервые в истории не только советской, но и мировой практики издания чаадаевских текстов мы публикуем все сочинения, написанные по-французски, на языке оригинала. Мы сочли небезытересным для читателей ввести в 1 т. раздел Dubia, в который включены неизвестная ранее поэма «Рыбаки» и стихотворение на французском языке, написанные рукой Чаадаева, а также раздел «Чаадаевiana». Мы сочли полезным ввести во 2 т. «Приложения», которые значительно расширяют представления относительно того, каков был резонанс творчества Чаадаева, особенно первого *ФП*, и вообще представление о его связях с современниками. Особое значение в этом плане имеют письма к Чаадаеву разных лиц. В таком объеме эти материалы еще никогда не собирались, многие из них публикуются впервые.

Наш коллектив считает необходимым отметить ту выдающуюся роль, которую сыграл в собирании чаадаевского наследия, а следовательно, и в подготовке настоящего издания, репрессированный полвека тому назад и погибший Дмитрий Иванович Шаховской. Без преувеличения можно сказать, что современный уровень не только

советского, но и мирового чаадаевского источниковедения определен титаническими усилиями, беспримерным энтузиазмом и энергией этого собирателя наследства русского мыслителя. Д. И. Шаховскому, потомку Чаадаева, не удалось, как он намеревался, издать сочинения своего выдающегося предка, планы изданий он излагал в проектах, сохранившихся в его архиве (коротко о судьбе и главном содержании архива см.: *Каменский Э. А. Урок Чаадаева // Вопр. философии. 1986. № 1*). К сожалению, нельзя сказать, что настоящее издание реализует максимальные намерения Д. И. Шаховского. Назвав издание полным, мы отнюдь не полагаем, что им можно ограничиться. Необходимо продолжить поиски автографов, сочинений и писем Чаадаева; подготовить к печати известные, но не включенные в настоящее издание его письма и напечатать также и их на языке оригинала; полнее опубликовать варианты различных его сочинений и писем; продолжить расшифровку заметок Чаадаева на полях книг его библиотеки, состав которой должен быть пополнен, поскольку она собрана далеко не в полном виде (*Каталог. С. 8*). Словом, предстоит еще большая и трудная работа по подготовке академического Полного собрания сочинений и писем П. Я. Чаадаева.

В соответствии со сложившейся традицией правописание русских текстов Чаадаева приведено в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка, что, естественно, соблюдено также относительно старых и новых переводов. Все подстрочные выделения в текстах, в отличие от предыдущих публикаций, даются курсивом за исключением особо оговоренных мест.

Наш коллектив считает своим долгом выразить признательность Рукописному отделу Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, бесценные материалы которого сделали возможным настоящее издание; Рукописному отделу Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Центральному Государственному архиву литературы и искусства и Отделу Рукописей и Редких книг Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Мы хотим также поблагодарить зарубежных чаадаевоведов — Р. Мак-Налли, Ф. Руло, Р. Темпеста и Т. Тогава — труды которых мы широко использовали при подготовке настоящего издания.

В комментариях приняты сокращения, список которых приводится ниже.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

- АС* — Апология сумасшедшего
АТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.; М., 1911—1921. Вып. 1—6.
Барсуков — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина, СПб., 1888—1901. Кн. 1—XII.
ВЕ — Вестник Европы
ВрПК — Временник Пушкинской комиссии
ГАГО — Государственный архив Горьковской области
ГБЛ — Отдел рукописей Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина
Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1966
Гершензон — *Гершензон М. О.* П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908
ГМ — Голос минувшего
ГПБ — Отдел рукописей и Редких книг Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова—Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИВ — Исторический вестник
ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы АН СССР
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
Каталог — Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева. М., 1980
Лемке — *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908
ЛН — Литературное наследство. М., 1935. Т. 22—24; во всех остальных случаях указывается № тома
НГУАК — Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сб. статей. Н.—Новгород, 1909. Т. VIII
ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899—1909. Т. 1—V
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Гос. исторического музея
ОРМ — Отрывки и разные мысли
Письма — Чаадаева и к Чаадаеву (2 том наст. издания)
Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949. Т. 1—XVI
РА — Русский архив
РВ — Русский вестник
РЛ — Русская литература

* Относится также и ко 2 т. настоящего издания.

- PM* — Русская мысль
РС — Русская старина
Свербеев — Записки Д. Н. Свербеева. М., 1899. Т. 1—2
СН — Старина и новизна
СП I, II — Сочинения и письма П. Я. Чаадаева / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1913—1914. Т. I—II.
Тарасов — П. Я. Чаадаев. Статьи и письма / Составл., вступ. статья и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 1987
Тарасов I — В мире человека. М., 1986
Тарасов II — Чаадаев. (ЖЗЛ). М., 1986
ФП I—VIII — Философические письма
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив. литературы и искусства
ЦГВИА — Центральный гос. военно-исторический архив
ЦГТМ — Центральный гос. театральный музей им. А. А. Бахрушина
Якушкин — Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951
Gagarin — Oeuvres Choiesies de Pierre Tchaadaief publiées pour la première fois par le Père Gagarin. P.; Lpz, 1862
Quénét — Quénét Ch. Tchaadaev et les Lettres philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie. P., 1931
McNally — Chaadaev's Philosophical Letters Written to a Lady and his Apologia of a Madman // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B., 1966. S. 24—128. Bd. XI
Rouleau — Tchaadaev P. Lettres philosophiques, adressées à une dame / Présentées par François Rouleau. P., 1970
Togava — Tchaadaev Pierre. Fragments et pensées diverses (inédites) / Présentées par Tsuguo Togava // Slavie Studies: Journ. of the Slavic Research Center of Hokkaido University. Sapporo, 1979. N 23. P. 1—52

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ПАРАДОКСЫ ЧААДАЕВА

Полвека тому назад для своей диссертации о Чаадаеве автор этих строк избрал в качестве эпиграфа известные слова Г. В. Плеханова: «О Чаадаеве уже не однажды заходила речь в нашей литературе, но, вероятно, еще долго нельзя будет сказать, что уже довольно говорили об этом человеке». Прошло пятьдесят лет, за это время о Чаадаеве написано больше, чем к моменту, когда Плеханов сказал эти слова; литература о нем поднялась на монографический уровень, интернационализировалась, все шире охватывает и глубже проникает в свой предмет. Тем не менее автор одной из последних монографий, В. В. Лазарев (*Чаадаев*. М., 1986) избрал для своей книги тот же самый эпиграф. И хотя формула Плеханова рассчитана на постепенное устаревание («еще долго»), она не стареет и, вероятнее всего, не устареет никогда.

В чем тут дело? Почему Чаадаев привлекает к себе все новых и новых читателей и исследователей? По-видимому, дело здесь в том, что его идеи сохраняют глубину содержания, современное звучание и значение как в историческом, так и в теоретическом отношениях.

Есть и еще одна причина — парадоксальность его мышления, открывающая возможность все новых и новых интерпретаций. Парадоксальность субъективная — он любил работать в манере гиперболической, иронической, а подчас и в манере умышленной мимикрии. Но его мышление было парадоксальным и в том смысле, что в нем сталкивались противостоящие друг другу тенденции.

Противоречивость мышления Чаадаева была весьма значительной, и тому было множество оснований в условиях его жизни, формирования и развития его воззрений, во влияниях, которым он подвергался.

Прежде всего следует сказать об основаниях социальных. При гармоническом развитии человек пребывает в своем социальном кругу, формируется и живет его традициями, его идеологией, ею питается, заботится о ее

приращении. Не то у Чаадаева. «Моя жизнь сложилась так причудливо, — писал он уже в зрелые годы, — что, едва выйдя из детства, я оказался в противоречии с тем, что меня окружало» (*Письма*. № 135)¹. И действительно, выходец из родовитой дворянской среды, Чаадаев если и не с детства, то во всяком случае с ранней молодости оказался в оппозиции и к царю, и вообще к русской дворянской олигархии, государственности, идеологии. Его оппозиционность с годами все усиливалась. Однако драматизм ситуации состоял в том, что оставив родные берега Чаадаев не обрел новой гавани, его не привлекал другой берег — лагерь демократии. Он отвергал демократическую идеологию, социализм, материализм, хотя, как мы увидим, путь его все-таки шел от лагеря дворянского к демократическому.

Этой социальной межумочности соответствовала и идеологическая. Личная судьба Чаадаева сложилась так, что при формировании его теоретических убеждений он подвергся двум различным, противостоящим воздействиям — научно-рационалистическому, просветительскому, и религиозно-иррационалистическому.

Первое воздействие было исходным. Четырнадцатилетним юношей (в 1808 г.) он переступил порог Московского университета, где в те времена господствовала немецкая философия. Он слушал там (и, по-видимому, еще раньше — в 1807 г. на дому) таких крупных в европейском масштабе профессоров, как Буле, Рейнгардт, Баузе, Шлецер-сын, а также русских профессоров просветительского направления — А. М. Брянцева и А. Ф. Мерзлякова. Но по записям его брата М. Я. Чаадаева, с которыми они «по надлежащему испытанию» (т. е. уже с определенной суммой знаний) в тот же год поступили в Университет², по рефератам М. Я. Чаадаева о Босские, по его конспектам лекций Рейнгардта и Буле, по воспоминаниям о том времени соученика и товарища братьев Чаадаевых

¹ Здесь и далее при цитировании текстов настоящего издания указываются: для писем Чаадаева — их порядковый номер арабскими цифрами, для писем к Чаадаеву — римскими и в случае надобности адресат и год написания; для сочинений Чаадаева — название (для *ФП* также номер римскими цифрами) и страницы. При ссылках мы пользуемся сокращениями, принятыми для данного издания.

² Московские ведомости. 1808. 1 июля, среда.

В. И. Лыкошина, по тому, что мы знаем о Московском университете начала XIX в., можно судить о «закваске», на которой возшло мировоззрение Чаадаева. Она была вполне просветительская, хотя и с несколько «немецким душком», что означало знакомство с философией Канта, Фихте и Шеллинга. То немногое, что мы знаем о воззрениях Чаадаева 10-х — начала 20-х годов, рисует нам их именно в духе просветительства, рационализма, свободолюбия. Таков образ Чаадаева, нарисованный Пушкиным («он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес»; «свободой горим», и т. п.). Пушкин, между прочим, говорил А. О. Смирновой, что «Чаадаев хотел вдолбить мне в голову Локка»³. Такова характеристика его дружеского круга — круга декабристов И. Д. Якушкина и Н. И. Тургенева (переписка с которым тех лет характеризует Чаадаева как свободолюбивого молодого человека декабристских убеждений), Пушкина, Грибоедова и других молодых русских людей, таковы его философские интересы, выявляющиеся в переписке 10-х годов с Д. Облеуховым, в факте участия в двух декабристских обществах — Союзе Спасения и Северном обществе, в которых, по воспоминаниям самого Чаадаева, царил воззрения «оледеняющего деизма». Фрондерством была его отставка и отказ от карьеры адъютанта императора Александра I, мотивированная тем, что он не хочет быть «шутком» при монархе. О том же говорят и его почти уже предсмертные воспоминания об идеях и устремлениях его и его товарищей в дни молодости (см. «Выписку из письма неизвестного к неизвестной»). О просветительском характере его интересов в молодости свидетельствует состав его первой библиотеки (которую он начал собирать в юности и продал Ф. Шаховскому, выйдя в отставку и собираясь в заграничное путешествие).

Все эти многочисленные, хотя и разрозненные факты с несомненностью свидетельствуют, что по крайней мере до отъезда за границу в 1823 г., т. е. до 30-летнего возраста, Чаадаев был сторонником декабристских идеологов, придерживавшихся просветительской, свободолюбивой ориентации. Такого же мнения придерживался даже и столь тенденциозный исследователь мировоззрения Чаадаева, как М. О. Гершензон (см. *Гершензон. С. 13*).

³ Смирнова А. О. Записки. СПб., 1895. Ч. I. С. 151.

Но где-то в 1824—1825 гг., когда Чаадаев путешествовал по Западной Европе, зародился, в 1826—1828 гг. углубился, а в 1829—1830 гг., когда он писал свой трактат, оформился новый, религиозный философско-исторический взгляд на мир. Непросто установить, что послужило причиной этого поворота. Несомненно, существенную роль здесь сыграло поражение декабристов, которое можно было рассматривать как результат несостоятельности их философско-политических убеждений. Но это обстоятельство могло скорее закрепить и ускорить, чем дать исходный импульс такому направлению развития воззрений Чаадаева, поскольку оно начинало складываться ранее декабря 1825 г. Сыграло свою роль и воздействие Шеллинга, который в 1825 г., когда в Карлсбаде Чаадаев познакомился и беседовал с немецким философом, уже отошел от своих идей раннего периода и сам находился во власти мистической, «положительной» философии. Но из описанной Чаадаевым беседы с Шеллингом (*Письма*. № 59) видно, что к этому времени его сознание уже было захвачено религиозным интересом, так что и это воздействие не могло быть исходным. Большое влияние оказал на Чаадаева английский религиозный деятель миссионер Ч. Кук, с которым Чаадаев встречался за рубежом в январе 1825 г. и о котором многократно вспоминал⁴. Двойственное влияние на него могло оказать и масонство, к которому Чаадаев примкнул еще в 1814 г. в Кракове и затем состоял в ложах вплоть до 1821 г., достигнув весьма высоких степеней. Двойственным оно могло быть потому, что в масонстве соединились как мистическое, так и — особенно в начале XIX в., и особенно в России — радикальное рационалистическо-вольноелюбивое направление. Весьма сильным импульсом к религиозным исканиям Чаадаева могло быть и воздействие близкого знакомого его молодости Д. Облеухова, впавшего к середине 20-х годов в совершеннейший мистицизм. Он вел мистический дневник («Заметки о духоведении»), оказавшийся в руках Чаадаева и даже приписанный ему некоторыми исследователями (А. И. Кирпичниковым; М. О. Гершен-

⁴ См., например, *ОРМ*. № 69. О Куке, найдя его письмо в бумагах Чаадаева, последнего допрашивали в Брест-Литовске (см. «Показания Чаадаева» 1826 г.). На темы религии Чаадаев беседует в Англии в 1823 г. и с неким У. Александром и получает от него соответствующие брошюры (*Письма*. № III).